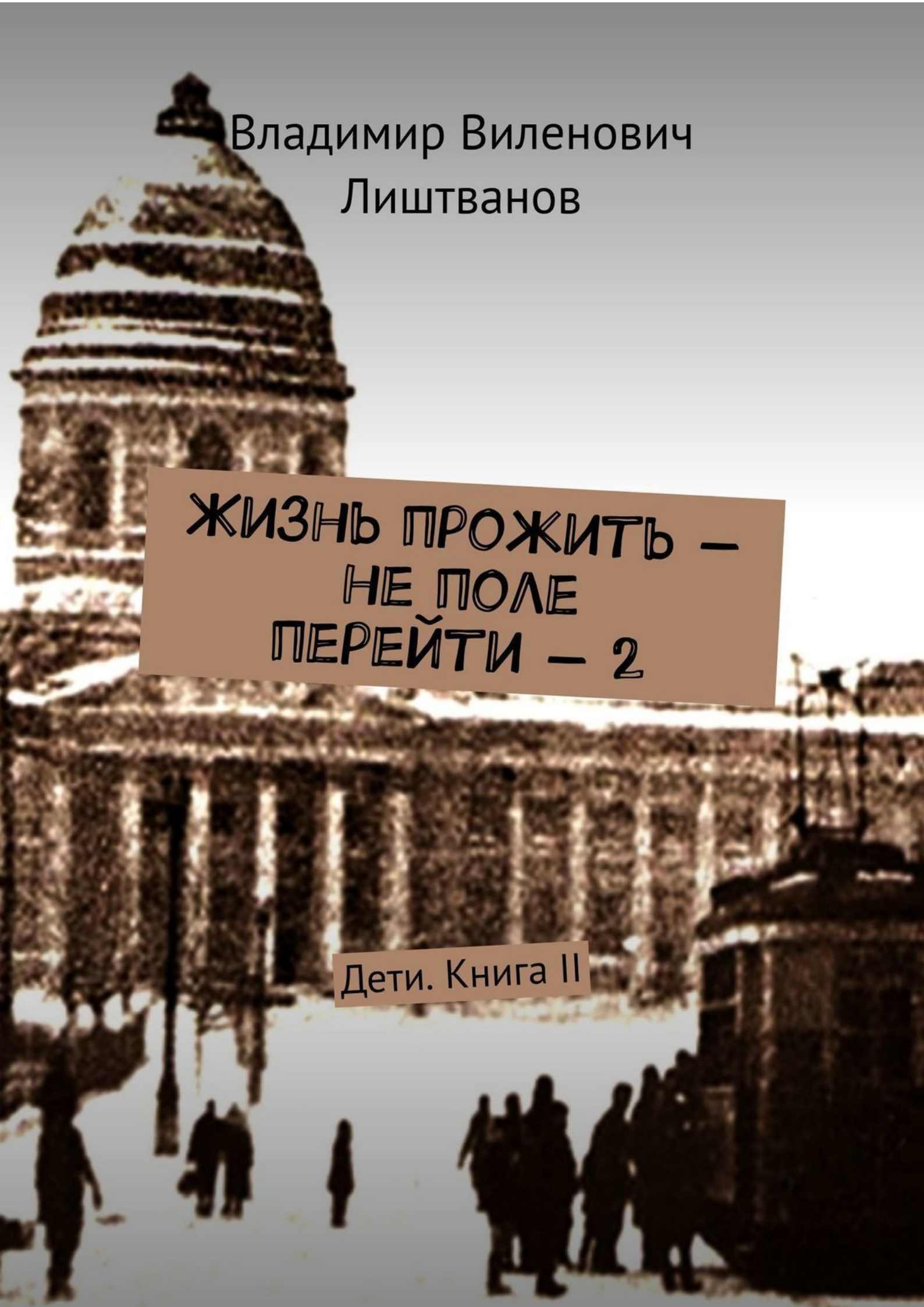




Владимир Виленович  
Лиштванов

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ –  
НЕ ПОЛЕ  
ПЕРЕЙТИ – 2

Дети. Книга II

Владимир Лиштванов

**Жизнь прожить – не поле  
перейти – 2. Дети. Книга II**

«Издательские решения»

**Лиштваков В. В.**

Жизнь прожить – не поле перейти – 2. Дети. Книга II /  
В. В. Лиштваков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933524-1

Начало Великой Отечественной войны в корне изменило жизнь представителей трёх семейств, знакомых читателю по первой книге семейной саги. Но как они перенесли тяготы войны, все ли остались живы и каким подверглись испытаниям в послевоенное время? Об этом Вы узнаете из предлагаемого романа. В нём охватывается период с 1941 по 1963 год. Повествование продолжило основываться на подлинных событиях, что происходили с настоящими людьми.

ISBN 978-5-44-933524-1

© Лиштваков В. В.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая                      | 6  |
| Глава вторая                      | 10 |
| Глава третья                      | 17 |
| Глава четвёртая                   | 23 |
| Глава пятая                       | 29 |
| Глава шестая                      | 34 |
| Глава седьмая                     | 39 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 41 |

# **Жизнь прожить – не поле перейти – 2**

## **Дети. Книга II**

**Владимир Виленович Лиштванов**

© Владимир Виленович Лиштванов, 2018

ISBN 978-5-4493-3524-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-3525-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Глава первая

21 июня 1941 года братья Ливановы ждали с большим нетерпением. В этот день возвращался из Киева отец.

Ефима Семёновича весной прошлого года назначили управляющим Межрайонной Аптечной Конторой Старого Оскола.

Чтоб он лучше выполнял служебные обязанности, вскоре его направили на курсы повышения квалификации. С сентября 1940 года, он стал обучаться на курсах усовершенствования фармацевтов при Киевском фармацевтическом институте.

В середине июня 1941 года учёба завершилась, и в эту субботу он возвращался домой.

Карл закончил десятый класс и накануне получил аттестат о среднем образовании с неплохими результатами. Ему не терпелось показать оценки отцу.

Карл хотел, как и брат, поступить в аэроклуб и выучиться обязательно на лётчика.

Вилен, курсант аэроклуба, спешил поделиться с отцом достигнутыми успехами.

Окончив среднюю школу в позапрошлом году, Вилен решил посвятить жизнь авиации.

Он попытался стать лётчиком в Курском аэроклубе в тот год, но оказалось, что не всё так просто. Курсантами принимали с 18 лет из числа рабочих, или колхозников, и обязательно по рекомендации комитета комсомола той организации, где работал.

В Старом Осколе промышленные предприятия практически отсутствовали, и рабочим становиться было проблематично.

Тогда Вилен решил работать колхозником, но в члены колхоза его не взяли.

Только в феврале 1940 года, его приняли в колхоз «Большевик», деревни Ямская Старооскольского района Курской области.

Он стал скотником. Зимой чистил помещения, где содержались животные, давал им корм и воду, ухаживал за ними.

Летом работал пастухом. Ему нравилось возиться с животными, но мечту о небе не оставлял. В колхозе его приняли в комсомол.

Проработав десять месяцев, Вилен повторил попытку стать курсантом аэроклуба.

Трудовой стаж колхозника, да рекомендация комсомольской организации колхоза, позволяли это сделать, но медкомиссия поставила преграду.

У него нашли лёгкую степень близорукости, а пилоту нужно 100% зрение.

Врачи не разрешили становиться лётчиком. Вилен страшно расстроился, что мечта не осуществиться.

– Мы можем принять вас в группу парашютистов, – предложили в приёмной комиссии, – а заодно получите военные специальности радиста и телефониста.

– Хорошо, я согласен, – проговорил он, когда обдумал предложение.

Так Вилен стал курсантом Курского аэроклуба в декабре 1940 года.

Занятия начались с теоретической подготовки. Курсанты знакомились с парашютом, запоминали, как его правильно укладывать, изучали необходимые действия при прыжках с ним.

А также осваивали радиостанции и телефоны, тренировались передавать сообщения азбукой Морзе.

Весной 1941 года начались практические занятия по прыжкам с парашютом.

Первый прыжок даже не запомнился. Всё прошло гладко, как учили. Вилен осознал, что прыгнул с парашютом, когда приземлился на согнутые в коленях ноги.

Второй прыжок прошёл иначе. В первые минуты, когда взлетели, у него началась предательская нервная дрожь.

Организм бунтовал от всего одной мысли, что надо будет покинуть салон аэроплана и ступить в многометровую зияющую пустоту.

Инстинкт самосохранения не давал успокоиться. С огромным трудом Вилену удалось перебороть организм и как учили, покинуть аэроплан. Отсчитав положенное количество секунд, дёрнул за кольцо и с облегчением услышал хлопок. Вскоре увидел над головой, как раскрылся белоснежный купол парашюта.

Последующие прыжки пошли буднично, без сильного нервного напряжения.

Ефим Семёнович приехал домой к вечеру и радостно встретился с домочадцами. Он привёз жене и детям кучу гостинцев из Киева. Сыновья поочерёдно сообщили отцу об успехах. В честь приезда мужа, Нина Ягоровна организовала праздничный ужин. Она сделала чудесное сациви, из большой индейки, состряпала лобио, приготовила хинкали и хачапури.

Сыновья активно участвовали в приготовлении ужина. Они с огромным удовольствием помогали матери очистить от скорлупы и растереть в большой ступке грецкие орехи, очистить и давить чеснок для сациви, начинять фаршем хинкали.

Всё это Нина Ягоровна подала на стол, когда муж с сыновьями помыли руки и расположились за столом.

В честь долгожданного прибытия супруга она поставила на стол кувшин домашнего вина из отцовского винограда.

Ефим Семёнович разлил всем по бокалам вина, поднял свой и произнёс тост:

– Наконец-то мы собрались вместе. Я доволен, что Карл хорошо окончил школу, а Вилен успешно занимается в аэроклубе. Чтоб свершились все мечты вам необходимо трудолюбие и прекрасное здоровье. Поэтому я поднимаю этот бокал за ваше здоровье. Чтоб оно вас не подводило.

– Спасибо отец, – дружно проговорили братья.

Ефим Семёнович не кривил душой. Он искренне радовался успехам детей. За девять месяцев отсутствия, они достигли многого. Да и внешне сыновья изменились.

Вилен хоть и не подросток, но возмужал. Взгляд его карих глаз из-под чёрных, грозно насупленных бровей, излучал решительность взрослого человека.

Широкий лоб и крупный грузинский нос всё больше делали его похожим на тестя.

Карл тоже – вылитый отец жены, а сейчас это сходство только усилилось. В отличие от Вилена, он немного подросток и посерьёзней.

Чтоб доставить приятное сыновьям, Ефим Семёнович предложил:

– Завтра выходной, а не пойти ли нам всем вместе на речку?

– Я за, – мгновенно отреагировал Карл.

– Я тоже не против, – поддержал брата Вилен.

- А я собиралась устроить стирку, – озабоченно проговорила Нина Ягоровна.
- Тогда ты стирай, а мы с ребятами утром сходим на речку, – сказал Ефим Семёнович, – а днём вернёмся, и мальчишки помогут тебе повесить бельё сушиться.
- Хорошо, – согласилась Нина Ягоровна.

Так они и сделали. На следующее утро Ефим Семёнович встал в шесть часов. Под весёлую, мелодичную музыку, передаваемую по радио, он сделал зарядку, затем умылся и побрился.

Вскоре проснулись сыновья. Они дружно встали и пошли приводить себя в порядок. Когда ребята умывались, Нина Ягоровна накрыла на стол и позвала мужчин завтракать. После еды, Ефим Семёнович с сыновьями отправились на реку, а Нина Ягоровна принялась за стирку.

На речке Ефим Семёнович решил вначале позагорать на берегу, а мальчишки разделись и бросились в воду. Они плескались и резвились, как дети, устраивали заплывы, обгоняли друг друга.

Отец наблюдал за ними с большой любовью, и думал:

– В августе обязательно возьму отпуск, договорюсь с заведующим аптекой, чтоб жену отпустили и вместе с детьми поедим в Ианети к тестю с тещей. От них море недалеко и пяток дней можем отдохнуть на побережье.

В это время Карл с Виленом вышли из воды и улеглись на горячий прибрежный песок. Ефим Семёнович решил тоже искупаться. Он зашёл в прохладную воду, обмыл тело и бросился в объятия речной стихии. После этого медленно поплыл, он с упоением наслаждался водными процедурами. Поплавав минут десять, он вышел на берег.

Ребятам надоело неподвижно лежать на песке, и они затеяли игру в салки прямо на берегу.

- Что, орлы, – окликнул отец, – не пора ли нам домой?
- Пора, – согласился Карл не раздумывая.
- Давайте полчаса поплаваем, – предложил Вилен.
- Нет, надо собираться, – строго проговорил отец.

За то время что Ефим Семёнович вытирал тело полотенцем, ребята успели одеться и собрать вещи. Он тоже оделся, и мужчины отправились домой.

Солнце неотвратимо поднялось в зенит, оно посылало жару с безоблачного синего неба. Горячий воздух обдувал тело. Вскоре вся прохлада, от купания в реке исчезла, а на смену пришло ощущение духоты.

Хотя и наличествовала середина воскресного дня, на улице находилось незначительное количество людей. Все они спешили по делам с серьёзными лицами, в возвышенно-сосредоточенном состоянии. У многих женщин глаза застилали слёзы.

- Что случилось? – спросил Ефим Семёнович у одной из них.
- Началась война, – ответила та и печально пошла вдоль дороги.

Отец с сыновьями, не сговариваясь, прибавили шаг. Вскоре мужчины подошли к дому. В квартире их встретила Нина Ягоровна, с красными от слёз глазами.

– В полдень выступал Молотов по радио. Он сказал, что Германия напала на нас, – с великим трудом сдерживая слёзы, сообщила она.

– С четырнадцатого по восемнадцатый год мы с германцами активно воевали, но из этого они не извлекли уроки. Придётся братья за оружие, – хмуро проговорил Ефим Семёнович.

На следующий день, с утра, отец с сыновьями отправился на призывной пункт.

Около него столпилась куча народу. Мужчины различных возрастов стояли перед призывным пунктом в ожидании дальнейших указаний. Многие тихо обсуждали последние новости. Паника отсутствовала. Все находились в полной уверенности, что врага обязательно разобьём. Одни говорили, что это произойдёт за пять, шесть дней, другие – через две, четыре недели. Третьи считали, что война будет длительной, но победа обязательно останется за нами.

Вскоре вышел лейтенант и сообщил:

– Граждане, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР, будет осуществляться мобилизация военнообязанных 1905—1918 годов рождения.

– А что делать тем, у кого другие года рождения? – спросили из толпы.

– Возвращайтесь домой и ждите. Если понадобится, то вас вызовут повесткой.

Вилен с Карлом отправились домой, а Ефим Семёнович пошёл на службу.

Рабочий день в Межрайонной Аптечной Конторе шёл размеренно, по точно налаженному графику, складывалось впечатление, что никакая война и не начиналась.

Ефим Семёнович прошёл к себе в кабинет и тотчас набрал номер телефона руководства в Курске.

– Хорошо, что позвонил, – услышал он деловитый бас управляющего Курским Аптекоуправлением на том конце провода, – когда вернулся с курсов?

– В субботу вечером.

– Ты знаешь о вчерашних событиях?

– Да, слышал. Я военный фельдшер и хочу идти на фронт.

– А в советском тылу кто работать будут? – зло проговорил управляющий, явно он тоже просился на фронт, но не пустили, – Для тебя и в конторе работы хватит. Надо переводить всю деятельность на военный лад.

– Я хотел попроситься на фронт.

– С ружьями дай возможность молодым побегать. Ты нужен на служебном месте, для обеспечения бесперебойной работы.

– Но Степан Николаевич..., – начал уговаривать Ефим Семёнович.

– И никаких «но»! – резко прервал управляющий Аптекоуправлением, – Завтра утром у нас совещание, жду тебя к десяти часам с определёнными предложениями по деятельности конторы в военное время.

– Хорошо, я буду в назначенный срок.

## Глава вторая

На третий день войны братья Ливановы получили повестки и, к общей радости ребят, вскоре их призвали в армию.

Карла направили красноармейцем на Северный фронт в Полярную дивизию.

Вилена, кто официально получил в аэроклубе воинскую специальность связиста, отправили рядовым бойцом в действующую армию западного фронта, в 111 стрелковый полк 55 стрелковой дивизии.

Это воинское подразделение сформировали в сентябре 1925 года в Московском военном округе.

12 января 1926 года 55 дивизии дали название «Курская», 26 июля 1926 года присвоили имя К. Е. Ворошилова. С 1925 по 1939 год эта воинская часть дислоцировалась в городе Курске. Принимала участие в боевых действиях в Западной Белоруссии в сентябре 1939 года.

По состоянию на 2 октября 1939 года входила в основной состав 23 стрелкового корпуса 4 армии Белорусского фронта.

После освобождения Западной Белоруссии основные силы дивизии располагались в Брестской крепости. В конце 1940 года возникла необходимость разгрузить цитадель и усилить левый фланг 4 армии.

Дивизию передислоцировали в летние Уреченские лагеря, что располагались в пятнадцати километрах к востоку от города Слуцка Минской области.

6 июля 1941 года воинский эшелон с новобранцами прибыл на станцию Чаусы Могилёвской области. Среди них находился и Вилен Ливанов. Вновь прибывших направили в подразделения 55 стрелковой дивизии, основательно поредевшей во время ожесточённых боёв первых дней войны.

Вилена Ливанова и с ним два десятка новобранцев направили в роту связи 111 стрелкового полка.

За то время как дивизия находилась в резерве и доукомплектовывалась, в роте с молодым пополнением стали заниматься по методам прокладки телефонных линий на передовой.

Сообщали, как лучше и где проводить телефонные коммуникации. Учили, как обращаться с винтовкой.

Но это продолжалось недолго. Начиная с 13 июля, дивизия заняла оборону в районе юго-западнее г. Пропойск в составе 28-го стрелкового корпуса 4-й армии.

Связь между частями налажена отвратительно. В отличие от немцев, раций в дивизии ни одной не имелось, да и телефонного кабеля не хватало. Сообщения передавались письменно с помощью вестовых роты связи.

Красноармейцу вручали запечатанный пакет, он отправлялся к командиру указанного подразделения, командир вскрывал послание и расписывался на пакете.

После этого отдавал порожний пакет вестовому, а тот возвращался к себе в роту.

Вестовым выделили лошадей, но Вилен не умел ездить верхом, хотя неполный год проработал в колхозе. Ему приходилось передвигаться пешком, случалось под обстрелом противника, или массовой бомбёжкой.

К вечеру 14 июля немецкие войска форсировали Днепр и продвинулись на сто километров, они захватили город Мстиславль, став угрозой с севера городу Кричев Могилёвской области.

55 стрелковая дивизия получила новую задачу. Совершив ночью на 15 июля тридцатикометровый марш, она сосредоточилась в лесах южнее города Черикова Могилёвской области.

Предполагалось, что дивизия примет участие в контрударе по группировке противника, что прорвалась на Горки – Мстиславль. Но контрудар не состоялся.

На рассвете получили новый приказ: немедленно вернуть 107 стрелковый полк с 1 дивизионом 84 артполка к городу Пропойску. Оказалось, что немецкие танки ворвались в Пропойск, потеснили 42 дивизию и продвигаются на город Чериков.

После потери Черикова дивизии поступил приказ занять оборону по берегу реки Сож от Гронова (в пяти километрах восточнее города Черикова) до Пропойска. 333 стрелковый полк временно передали в дивизию.

Вместе с ним и 161 запасным стрелковым полком в составе дивизии на тот период насчитывалось пять стрелковых полков.

17 июля фашисты захватили город Кричев, вышли к реке Сож от Пропойска до Мстиславля. На фронте протяжённостью около тридцати пяти километров оборонялась одна 55-я стрелковая дивизия и до полка 6 дивизии. Рубеж для таких сил явно велик.

Подразделения растянулись вдоль берега реденькой цепочкой.

До 23 июля части дивизии стойко держали оборону по восточному берегу реки Сож, чем обеспечивали переправу через водную преграду частям и подразделениям, выходящим из окружения.

Периодически проводились массовые вылазки, и контратаки на западный берег реки Сож.

После очередной операции, один из бойцов поделился переживаниями:

– Ты представляешь, я считал себя атеистом, а поднялся в атаку и молю Бога. Господи, не меня, Господи, не меня.

– Эка невидаль, – подхватил разговор другой красноармеец, – я тоже молил Бога, чтоб не убило и не ранило.

Во время очередного затишья Вилен разговорился с одним из немногих, оставшихся в живых старожилов полка, Николаем.

– Как началась война? – поинтересовался он.

– Неожиданно, – ответил Николай, – нас уверяли, что с Германией имеется соглашение, и они не нападут на страну. Да ещё за неделю до этого объявили по радио, а потом написали в газетах опровержение слухов, что немцы собираются напасть. Говорили, что никакой войны не будет, всё это провокация.

Из рассказа сослуживца Вилен узнал, что 22 июня в пятом часу утра их разбудил гул самолётов.

Николай и с ним около десяти человек собрались у штабной палатки. В небе над ними, в строгом строю, медленно летели на восток многие десятки немецких бомбардировщиков.

Силуэты самолётов выглядели белыми, как пушинки, явно в вышине солнце полностью освещало аэропланы.

О войне никто и не подумал. Решили, что это манёвры либо наши, либо немецкие, и спокойно пошли к реке принимать водные процедуры.

За время как они умывались, на палаточный городок налетели немецкие самолёты и разбомбили весь полк. Около 60% личного состава полка погибли или получили ранения во время этой первой бомбёжки.

Выходило, что от полка единственно название сохранилось.

Николай с товарищами вернулись к тому месту, где располагалась палатка, и увидели, что всё перемешалось с землёй и кровью.

Он нашёл сапоги, чьи-то галифе, а гимнастёрку – нет.

Умываться шли к реке в трусах и в майках, так Николай на себя накинул валявшийся рядом гражданский пиджак (с убитых снять гимнастёрку тогда не решился). Только тут они поняли – началась война.

Во время отступления, в один из дней шли мимо нашего разгромленного полевого аэродрома. Все самолёты стояли сожжённые, а по полю бродил одиноко потерянный лётчик.

Командир роты спрашивает у него:

– Чего вы не взлетели?

– А бензин отсутствовал, – отвечал лётчик, – да половина лётного состава находилась в отгуле, нам говорили, что войны не будет.

Потом начались ожесточённые бои, но под натиском превосходящих сил противника дивизии приходилось отступать.

– Так мы дошли до этих рубежей, – невесело проговорит Николай в конце рассказа.

На раннее утро 23 июля наметили наступление. Сосед слева – 219-я мотострелковая дивизия и 107-й стрелковый полк 55 стрелковой дивизии, пополненный подразделениями, что вышли из окружения, получили приказ захватить город Пропойск.

В полку сохранились шесть 76-миллиметровых, одна 45-миллиметровая пушка и три 120-миллиметровых миномёта.

Для усиления полка командование выделило один дивизион 84 артполка и три батареи из 132 дивизии – всего двадцать орудий. После тридцатиминутного огневого налёта стрелковые подразделения атаковали противника. Им удалось зацепиться за городскую окраину.

Гитлеровцы ввели в бой два десятка танков. Один танк, вооружённый огнемётом, поджёг пяток домов, занятых красноармейцами.

Восемь орудий, специально поставленные для стрельбы прямой наводкой, подбили пять немецких машин, а заодно и огнемётный танк.

Батареи с закрытых позиций тоже ударили по атакующему врагу. Потеряв ещё восемь машин, гитлеровцы вынужденно отошли и укрылись за постройками.

Вскоре на окраине города в очередной раз появились немецкие танки. После кратковременного боя советская пехота отошла на прежние позиции.

В последние дни июля установилось относительное затишье, обе стороны не проявляли активности.

Фронт обороны 55 стрелковой дивизии расширился на восток до посёлка Борисовичи Могилёвской области и достиг пятидесяти километров. Части, с боями вышли из окружения, и переместились в район Гомеля, где формировалось управление Центрального фронта.

55 стрелковая дивизия, как и все войска бывшей 4 армии, вошла в состав 13 армии этого фронта. Используя передышку, подразделения укрепляли оборонительные рубежи, вели инженерные работы.

Каждую ночь полки посылали разведывательные группы на шоссе, оно тянулось вдоль того берега в двух – четырёх километрах от реки.

Группы устраивали засады, брали пленных.

Утром 1 августа немецкие войска массово начали наступать из района городов Кричев – Мстиславль в направлении на город Рославль Смоленской области. В штаб дивизии стали поступать тревожные сведения. К вечеру следующего дня город Рославль оказался в руках врага.

Ежедневно немцы проводили разведку боем на правом фланге дивизии. Эти вылазки отражались с большим успехом, но вызывали тревогу. Чтобы усилить оборону, в эту местность передвинулся весь 111 стрелковый полк.

6 августа гитлеровцы после артиллерийской подготовки на правом фланге дивизии перешли в наступление и к часу дня захватили плацдарм на берегу реки Сож напротив посёлка Устье.

Бой шёл севернее деревни Веприн Чериковского района Могилёвской области. 111 стрелковый полк с частью сил разведбатальона дивизии, с большим трудом отражал атаки врага, огнём его поддерживал дивизион 84 арtpолка.

7 августа немцы, продолжили развивать наступление на юг от Кричева, и вышли на рубеж реки Лобжанка, захватили город Климовичи и распространились вдоль железной дороги на город Костюковичи Могилёвской области, что позволяло обходить 55 стрелковую дивизию с востока.

В предрассветной темноте 7 августа 1941 года 111 стрелковый полк напал на противника и отеснил его вглубь леса.

Контратака, что предприняла потом вражеская пехота, полностью захлебнулась. К вечеру два батальона немецкой пехоты ещё раз атаковали позиции полка. Фашистам удалось потеснить подразделения полка, выйти на опушку леса и восстановить прежнее положение.

С утра 8 августа подразделения 111 стрелкового полка готовились нанести ответный удар. Вскоре начался артиллерийский обстрел вражеских позиций. Длился он тридцать минут. Под прикрытием этого огня пехота подползла к опушке и смелым броском ворвалась в лес.

Противник начал бить из миномётов, но мины разрывались уже позади наступающих рот. К вечеру советским бойцам удалось потеснить немцев вглубь леса.

Бои в этом районе продолжались с переменным успехом ещё двое суток. Три квадратных километра, обильно политые кровью, переходили из одних рук в другие.

Полк получил две роты (сто пятьдесят человек) пополнения, но силы его таяли с каждым часом.

11 августа, на этот раз после мощной авиационной и артиллерийской подготовки, немцы начали наступление против 111 стрелкового полка.

Обескровленный полк, в составе всего двухсот пятидесяти человек, принялся отходить на юг. Силы были неравны. Ситуация усугублялась тем, что кончились боеприпасы.

Когда большую часть деревни Веприн захватил враг, и стало трудно разобраться, где свои, а где фашисты, артиллеристы получили приказ из штаба полка отойти на новый рубеж обороны.

Начиная с этого злополучного дня, дивизия всю вторую половину августа совершала отход на юг через посёлок Красная Гора, города Новозыбков и Злынка Брянской области.

30 августа 55-я стрелковая дивизия заняла оборонительный рубеж на восточном берегу реки Снов от города Щорс на юг до села Новые Млыны Щорского района Черниговской области СССР.

Разведывательные подразделения противника подошли к реке одновременно с частями дивизии и попытались с ходу переправиться через неё в нескольких местах. Но эти попытки потерпели неудачу.

Враг затаился, он ожидал подхода главных сил. Связь со старшими начальниками отсутствовала.

На следующее утро командование приняло решение перейти в наступление в направлении деревни Грязна Щорского района – город Городня, вдоль железной дороги Щорс – Гомель. 1 сентября части дивизии предприняли наступление.

Сначала оно развивалось хорошо, передовые части противника удалось отбросить от реки Снов на три километра, за деревню Грязна (восемь километров юго-западнее города Щорс).

Противник произвёл незаметное сосредоточение в лесу, вплотную подходящем к огородам деревни Грязна, и перешёл в контрнаступление.

Помимо этого, выяснилось, что на чердаках домов спрятались гитлеровцы, не успевшие выскользнуть из окружённой деревни.

При наступлении немцев они тоже открыли огонь. Бой разгорелся уже в самой деревне Грязна и стремительно перемещался к восточной окраине.

Подразделения дивизии начали отходить на прежние рубежи за реку Снов.

6 сентября 55-я стрелковая дивизия в составе 66 стрелкового корпуса 21 армии вошла в состав Юго-Западного фронта и держала оборону в районе города Щорс Черниговской области.

К исходу 7 сентября красноармейцы 21 армии отошли за реку Десна на фронте: город Бахмач – посёлок Макошино Менского района, село Салтыкова Девица Куликовского района Черниговской области.

8 и 9 сентября подразделения 21 армии пытались сбить противника с плацдарма у посёлка Макошино, занятого авангардами мотодивизии «Райх», но в это время состоялся прорыв 3 и 4 танковых дивизий немцев на фронте Конотоп – Бахмач и обнаружилась новая угроза правому флангу армии в районе Бахмач.

Распоряжением командарма 21 армии на этот участок фронта перебросили кавалерийскую группу (остатки трёх кавалерийских дивизий), 214 воздушно-десантную бригаду, а затем

и 55 стрелковую дивизию в район села Григоровка Бахмачского района Черниговской области (15 км южнее города Бахмач).

К 10 сентября подразделения 21 армии занимали фронт обороны город Бахмач – город Борзна – село Вертиевка Нежинского района Черниговской области, перед ними располагались превосходящие силы противника.

21 армия (67, 28 и 66 стрелковые корпуса) в течение 11—13 сентября 1941 года пыталась обороной и контратаками задержаться на реке Десна. Но моторизованные корпуса и танковые соединения немцев не давали возможности остановиться для закрепления.

Армия оказалась в этот момент между двух огней наступающих частей врага.

Поэтому к концу 12 сентября войска армии отходили с боями на линию село Григоровка Нежинского района – Хвастовцы – город Нежин Черниговской области.

К концу 12 сентября враг произвёл охват флангов Юго-Западного фронта, образовалась настоящая угроза обхода с тыла основных сил фронта.

К ночи с 13 на 14 сентября оборону 21 армии гитлеровцы взломали окончательно, и советские войска фактически приступили к подвижной обороне.

С 16 по 20 сентября произошло расчленение войск Юго-Западного фронта на отдельные воинские образования (очаги) ввиду вклинения на различных направлениях сильных группировок противника.

17 сентября командующий Юго-Западным фронтом отдал приказ армиям на выход из окружения. 21 армия получила распоряжение наносить удар в общем направлении на город Ромны Сумской области навстречу удару 2 кавалерийского корпуса Брянского фронта, он предпринимался с востока.

55 стрелковая дивизия до 23 сентября 1941 года вела борьбу в составе так называемой Пирятинской группы из остатков 5 и 21 армий Юго-Западного фронта в районе 20—30 километров к юго-востоку и востоку от города Пирятин Полтавской области, в непосредственной близости от кольца окружения.

Спустя определённое время из штаба 55 стрелковой дивизии, поступило распоряжение попытаться выйти из создавшегося положения разрозненными группами.

Выполняя приказ, Вилен и ещё пятнадцать бойцов роты связи стали выбираться из окружения.

Приходилось соблюдать чрезвычайную осторожность.

Вокруг, на всех дорогах и тропинках, уже ходили немцы, и приспешники гитлеровцев – полицаи, они проводили прочёсывание леса. Красноармейцы видели, как по дорогам мимо них гонят на запад тысячные колонны пленных.

Бойцов потрясло всё случившееся. Не передать словами, что творилось в душах красноармейцев в эти минуты.

Людьми овладело отчаяние.

Продовольствие отсутствовало, патроны на пересчёт, но они продолжали целеустремлённо пробираться к своим.

В один из дней подойдя к посёлку, они встретили двух женщин. Женщины сказали, что на противоположном краю посёлка стоят немцы, вынесли рубашку, брюки, другие вещи гражданской одежды, дали по куску хлеба и завели на колхозную молочную ферму.

Прибежал заведующий фермой, и стал их прогонять:

– Сталинские выродки, – кричал он красноармейцам, – комсомольцы поганые! Житья от вас не было! Не дам молока, лучше немцам всё отдам!

– За что ты на нас, красноармейцев, так орёшь? – спросил один из бойцов, – Мы с тобой советские люди! Как ни совестно?! Опомнись!

Мужик схватил косу и кинулся на красноармейца. Но дочь набросилась на него, повалила на землю, и держала, изрыгающего брань и проклятия, сбесившегося от ненависти, родного папашу.

Бойцам пришлось спешно уходить из негостеприимной фермы.

На другой день, с наступлением вечера, они вышли на окраину хутора и притаились возле хаты, для изучения обстановки. Вдруг из дома вышел немецкий солдат, он тащил за руку упирающуюся молодую симпатичную женщину. За ними бежал ребёнок лет пяти, весь заплаканный, он кричал навзрыд:

– Дядя, дядя, не трогай мамку!

Мальчик попытался схватить за ноги солдата, но тот оттолкнул ребёнка и продолжил тащить женщину по направлению к сараю. Мальчик опять бросился защищать мать.

Тогда гитлеровец схватил ребёнка за ноги и со всей силы ударил головой о стену сарая, после чего отбросил безжизненное тело в сторону.

Один из красноармейцев не выдержал такого зверства и выстрелил из винтовки, убил садиста последней пулей.

После этого бойцы отошли от хутора.

Три недели Вилен с красноармейцами шли по захваченной врагом земле, в середине октября они вышли в расположение советских частей.

## Глава третья

В середине июня 1941 года в семействе Сухановых намечалось радостное событие.

Тоня находилась на последнем месяце беременности и собиралась подарить мужу сына, или дочь.

У Бориса с Тоней уже имелась старшая девочка Люся трёх лет, да сынок Юрик одного годика, а в эти дни счастливые родители ждали третьего ребёнка.

За четыре года совместной жизни они успели ещё крепче полюбить друг друга и сплотиться в супружеской преданности.

Обитали муж с женой счастливо и дружно, а дети укрепляли молодую семью. Борис продолжал работать в торговле, а Тоня – кассиром на железной дороге.

Скромный материальный достаток компенсировался взаимопомощью, взаимным пониманием супругов и сердечной привязанностью.

В стране большинству населения жилось тяжело. За последние годы регулярно повышалась заработанная плата, но цены на продукты и промышленные товары тоже росли, и это не приводило к увеличению благосостояния семьи.

Ещё одной формой поборов государства наличествовали различные государственные займы и лотереи. Эти облигации и билеты каждый работающий гражданин в обязательном порядке покупал с зарплаты ежемесячно.

В магазинах регулярно не хватало самих товаров. Как продовольственных, так и промышленных. Стали возникать огромные очереди.

Для борьбы с этим явлением государство принимало ряд постановлений, они запрещали создавать скопление людей у магазинов. За неподчинение – штраф в размере 100 рублей или привлечение к уголовной ответственности.

Очереди разгоняли милицией. Но они не исчезали, а переместились во дворы. Люди перестали строиться в очереди, а просто «прогуливались» перед магазином.

В решении многих проблем повседневной жизни всё большее значение стал иметь блат, его простые люди считали скрытой формой мошенничества.

В обществе присутствовали антисталинские настроения и трудности жизни вызывали недовольство, но многие советские люди поддерживали политику государства и в случае военной угрозы пребывали в готовности защищать собственную Родину.

Да и идеологическое воздействие проходило на должном уровне, верили всему сказанному.

По этой причине начало войны вызвало у людей волну патриотизма.

22 июня 1941 года Борис ехал в трамвае к жене в роддом.

Кругом разговор шёл о войне, рассуждали, что она продолжительное время не продлится. – Напала Моська на слона, – громко произнёс один из пассажиров.

Люди увлечённо рассуждали, что с немцами покончим в ближайшее время. У многих присутствовало боевое настроение.

В роддоме Борис узнал, что Тоня произвела на свет мальчика. Это его обрадовало, несмотря на тревожную весть о войне. На этот день у него два сына и одна дочь. Но на этом он думал не останавливаться.

Прошло четыре дня, и Тоня принесла младенца домой.

– Как назовём сына? – спросила она у мужа.

– Давай, Николаем, как отца, – предложил Борис.

– Коленька, чудесное имя, – согласилась жена, – будем так называть.

Приятные хлопоты с Коленькой и остальными детьми отвлекли Тоню от окружающей действительности, но настоящие события в стране вскоре напомнили о себе.

– Я записался в ополчение, – поздним вечером сообщил Борис во второй декаде июля.

– Неужто немец доберётся до нас? – испуганно спросила Тоня.

– Вероятно, и не дойдёт, но обязательно надо готовиться к нехорошим вариантам.

Организация подразделений народного ополчения в городе и области сопровождалась патриотическим порывом, о чём свидетельствовали многие заявления вступающих в ряды ополченцев.

Руководство области сформировало четыре районных полка в Курске и 70 полков в области.

Борису пришлось реже появляться дома, по той причине, что активно проходил боевую подготовку в ополчении.

С приближением врага к границам области он перестал приходить домой.

Спустя 56 дней после родов, в середине августа из декретного отпуска Тоня вышла на работу.

Железнодорожный транспорт ещё в начале войны перешёл на график военного времени. Если до войны практиковался восьмичасовой рабочий день, то в этот период трудились значительно дольше, работали по 14—16 часов.

По железной дороге с западных областей шла эвакуация промышленных предприятий, детских учреждений, людей.

Тоня работала на железнодорожной станции вместе с товарищами не покладая собственных рук. Случалось, домой приходила глубокой ночью, чтоб на следующий день идти опять на работу.

Да и уголовное наказание за опоздания, прогулы никто не отменял.

Она хорошо помнит, как в прошлом году вышла подруга на работу из декретного отпуска. В один из дней случилось так, что не с кем подруге оставить младенца, и на работу она опоздала на сорок минут. Так, суд приговорил её к четырём месяцам тюрьмы. Подруга и просидела в кутузке с грудным ребёнком это время. Были и аналогичные случаи, когда за незначительные нарушения человек оказывался в тюрьме. Это Тоня прекрасно знала и не хотела попадать в не столь отдалённые места.

По этой причине она старалась приходить на работу вовремя.

29 августа вражеская авиация подвергла первой бомбёжке Курский железнодорожный узел.

Это было адское зрелище. Самолёты, складывалось впечатление, пикировали прямо на тебя. Бомбы с душераздирающим воем сыпались кругом: разрушались здания, уничтожались вагоны с паровозами, приводились в негодность подъездные пути, убивались люди.

Тоня с подругами спряталась в подвале вокзала и не пострадала. С этого дня немецкие самолёты ежедневно стали появляться над городом.

Неизвестно, от нервного напряжения, или ещё отчего, у неё перестало приходиться грудное молоко. Нечем стало кормить Коленьку. Тоня пыталась накормить сына искусственно, но это плохо помогало.

В один из пасмурных дней придя домой с очередной смены, она застала младшего сына мёртвым.

С приближением линии фронта к границам Курской области в сентябре развернулась массовая эвакуация. Вывозились материальные и культурные ценности, сырьё, перегонялся скот.

Однако транспорта не хватало, а потому зерно и животных, которые не успели эвакуировать, приняли решение отдать на хранение колхозникам.

Увозили и местных жителей. Первыми эвакуировали воспитанников детских домов, женщин с малолетними детьми, семьи партийных работников, кого немцы подвергали преследованиям.

Вновь пришлось активно работать. Это маленько отвлекло Тоню от мыслей о потере сына.

Чтобы уменьшить вероятность попасть под бомбёжку она ходила на работу не через центральные улицы, а вдоль реки. В районе Боевой дачи перебиралась через Тускарь по шаткому мостику и потом выходила к железнодорожному вокзалу.

Обстановка на фронте преимущественно ухудшалась.

Стремительный, прорыв фашистских войск, к Орлу создал угрозу для Красной Армии в районе Курска. Захват города гитлеровцами позволял замкнуть второе кольцо вражеского окружения для 3-й и 13-й армий Брянского фронта.

Нахождение в руках противника станции Курск не предоставляло возможности вывести со складов запасы артиллерийского, сапёрного вооружения, военно-снабжениеских грузов.

4 октября по личному указанию Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в Курск направили заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора П. Г. Тихомирова.

Ему поставили задачу, совместно с обкомом партии, организовать оборону города.

Всеми возможными силами предстояло удержать Курск до выхода воинских формирований Брянского фронта из окружения.

В середине октября разгорелись ожесточённые бои западнее Фатежа, город размещался в 50 километрах от Курска.

Сражение с переменным успехом продолжалось около десяти дней. Это позволило выйти из окружения воинским частям Брянского фронта, а также вывести с имеющихся складов боеприпасы и обмундирование.

Под натиском превосходящих сил противника, советские войска несли большие потери и, несмотря на стойкое сопротивление, поздним вечером 22 октября им пришлось оставить Фатеж.

Организатором защиты Курска стал городской комитет обороны, его утвердили постановлением Государственного комитета обороны №830 от 22 октября 1941 года.

21 октября, всего за шесть дней, рабочие оборудовали бронепоезд №1 Северного депо. 28 октября курские железнодорожники передали и второй бронепоезд частям 2-й гвардейской дивизии, защищавшим Курск.

Вечером 21 октября 1941 г. боевые рубежи на северо-восточных окраинах города по приказу начальника гарнизона майора И. И. Будылина заняли бойцы Ленинского и Сталинского полков народного ополчения.

23 октября 1941 г. по приказу командующего 13-й армией генерала А. М. Городнянского полковник А. З. Акименко вступил в командование Курским гарнизоном.

Город объявили на осадном положении. Населению настоятельно рекомендовали покинуть Курск.

Тоне некуда было уходить с двумя малыми детьми и пожилой матерью, и она решила остаться, да и на железнодорожном узле шла непрерывная деятельность по эвакуации и приёму военных грузов. Руководство на неё возложило ряд обязанностей, и присутствие на работе считалось необходимым.

На защиту рубежей древнего города встало четыре полка народного ополчения численностью 3763 бойца. На вооружении они имели 741 винтовку (включая английские и бельгийские), 57 автоматов ППД, 3 станковых и ручных пулемёта, 2263 ручных, 1910 противотанковых и 2836 самодельных гранат, 400 мин и 14 тысяч патронов.

У защитников отсутствовало должное вооружение, и недоставало боевой выучки, но моральный дух ополченцев оставался бодрым.

Хотя на них надвигались отборные силы 2-й немецкой армии: 9-я танковая и 95-я пехотная дивизии 48-го моторизованного корпуса, неотвратимо наступавшие на Курск со стороны Фатежа.

Они первыми вступали на улицы Варшавы, в города Бельгии, Дании, Франции. Это были отборные части Вермахта.

31 октября начались бои на дальних подступах к Курску. Оборону вели Вторая гвардейская дивизия и полки ополчения.

1 ноября 1941 г. гитлеровцы предприняли попытку захватить северные окраины города. В бой вступили бойцы 395-го стрелкового полка и третьего батальона ополченцев из Ленинского полка. Батальон держал оборону в районе трепельного комбината на Фатежском шоссе.

Встретив сопротивление, гитлеровцы свернули с дороги в сторону Знаменской рощи.

До двух рот пехоты и семи танков противника заняли Дом отдыха, преодолели сопротивление группы ополченцев из боевого охранения второго батальона Сталинского полка.

Вечером 1 ноября 1941 г. бронепоезд курских железнодорожников нанёс удар по противнику, что двигался по шоссе западнее деревни Поповка.

Поздним вечером гитлеровцы активизировали боевые действия на северо-западном участке обороны. На Курск наступало до 40 танков, до пяти полков пехоты. Ночью из миномётов и орудий противник обстреливал оборонительные рубежи на стыке Сталинского и Дзержинского полков ополчения.

2 ноября 1941 г. тишину морозного утра по всей линии обороны разорвали взрывы снарядов, мин и пулемётные очереди.

В районе кирпично-трепельного комбината фашистов яростно атаковали бойцы третьего батальона Ленинского полка. Они уничтожили до 300 гитлеровцев.

Свыше трёх часов шли жестокие бои. Под напором противника защитники отошли на новый рубеж.

У кирпичного завода №2 на ул. Хуторской немцы атаковали второй батальон Ленинского полка народного ополчения. Батальон вступил в неравный бой. Метко разил фашистов расчёт пулемётной тачанки во главе с командиром взвода Ф. Г. Меркуловым. Вскоре вражеская пуля оборвала жизнь Ф. Г. Меркулова. Тяжело ранили и связного батальона 11-летнего пионера Стасика Меркулова. Фашисты нашли мальчика раненым и закололи штыками.

У Никитского кладбища противника плотным огнём встретили бойцы первого батальона Ленинского полка.

Со стороны Знаменской рощи немцы прорвались к слободе Пушкарной и вклинились на позиции третьего батальона Сталинского района.

Ожесточённые бои вели ополченцы Дзержинского района. Попытка гитлеровцев прорваться по улице Выгонной натолкнулась на решительное сопротивление защитников.

На баррикаде ополченцы забросали танки врага гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Гитлеровцы свернули в направлении села Моква и прорвались в ближний тыл Дзержинскому полку ополчения. Со стороны Моквы наступали до 30 немецких танков.

Не обошлось и без разгильдяйства. Во время борьбы за Курск 2 ноября в полдень войсковой частью преждевременно взорвали мост через реку Тускарь, он соединял восточную часть города с центром и являющегося главной переправой.

Такая безосновательная спешка с уничтожением моста отрезала командный пункт от борющихся частей Красной Армии и полков народного ополчения в центре и на окраинах города. Виновного в подрыве моста расстрелял сам командир дивизии.

Весь день шли упорные бои за город. Ночью, по личному распоряжению И. В. Сталина, остатки воинских подразделений ополченцев и 2-й гвардейской дивизии покинули Курск, они отошли на новые рубежи в восточном направлении.

3 ноября встав утром спозаранок и не услышав выстрелов и взрывов, Тоня собралась и пошла на работу. На дворе пасмурно и холодно, пронизывающий ветер обжигал лицо.

На улице остановила соседка:

– Ты куда направилась? – с тревогой спросила Клавдия Павловна.

– Иду на работу.

– Какая работа? Немцы уже в городе!

Тоня вернулась и не стала выходить из дома в этот день, чтоб не испытывать судьбу.

Как потом рассказывали знакомые бабы, в это время на улице Почтовой произошёл такой случай.

Гитлеровцы обосновались в городе, вдруг из-за угла, вышел на улицу пьяный советский лейтенант. Два немца его остановили и стали требовать, чтоб он снимал сапоги. У фрицев были полусапожки качеством значительно хуже, чем обувь советских командиров.

Советский лейтенант не стал отдавать. Фашисты жестаами принялись требовать снять сапоги, но он отказался. Тогда они повалили красного командира на землю и сами стали стягивать обувь.

Красный командир начал сопротивляться и одному заехал ногой в физиономию, но силы оказались неравными, и лейтенанту не удалось справиться с мародёрами. Немцы с большим трудом стащить с ног сапоги, затем изверги отвели его к оврагу и расстреляли.

В первый день прихода оккупантов в Курске захватчики объявили о военном положении. Хождение по городу строго запрещалось с пяти вечера и до шести часов утра. Переименовали улицы с новых на старые. Требовалась немедленная сдача оружия, вводились в обращение вместе с советскими деньгами немецкие оккупационные марки по цене десять рублей за марку.

Жители города изредка появлялись на улицах. Зато всё заполнили вражеские солдаты и офицеры.

Немецкие военнослужащие разграбили магазины города, провели повальные обыски в домах и квартирах.

Заходя к жителям, они регулярно спрашивали хлеба, сахара, другие продукты питания, систематически требовали тёплую одежду, обувь, ценные вещи. Просили женщин постирать им бельё, заношенное и завшивленное.

Подходил вечер. Устраивая себе ночлег, солдаты тащили из квартир диваны, матрацы, подушки от диванов.

Наутро начался сплошной обход домов и квартир. Искали военных, спрашивали, нет ли в помещении оружия. Людей призывного возраста (до пятидесяти лет) забирали для «проверки» с собою и направляли в специально предназначенные для этого пункты.

Стали проводить массовые казни.

5 ноября на Московской улице фашисты расстреляли пятнадцать человек. Поймали и казнили 50 бойцов народного ополчения, не успевших при отступлении уйти из города. 7 ноября комендант Курска капитан Штумпфельд издал приказ о расстреле десяти заложников-мужчин из числа местных жителей в ответ на то, что кто-то из гражданских лиц обстрелял и тяжело ранил немецкого солдата.

## Глава четвёртая

Весной 1941 года Николаева Зоя закончила седьмой класс на хорошо и отлично. Мать хотела отправить её в деревню, но внезапное нападение фашистов спутало все планы.

Хоть многие считали, что война будет как Финская – месяца два, а затем всё пойдёт, как и прежде, но это внесло разлад в жизнь людей.

Начиная с 23 июня, постановлением военного совета Орловского военного округа, все предприятия города перешли на круглосуточную работу.

Наталья Кузьминична домой стала приходить глубоким вечером, чтоб поспать, а ранним утром возвращалась на завод.

Днём 25 июня Орёл подвергся первому групповому налёту фашистской авиации.

Впоследствии такие нападения совершались регулярно.

Ночами небо рассекали яркие стрелы прожекторов, ухали зенитки, падали бомбы с нарастающим, раздирающим воем. Выворачивающим душу наизнанку. Во всём городе в окнах не светились огни. На стёклах появились бумажные кресты.

В начале июля Наталья Кузьминична пришла домой и сообщила дочери:

– Завод собираются эвакуировать.

– А работающих людей? – спросила Зоя.

– Инженеров и квалифицированных рабочих обязательно, а остальных по желанию.

– Мам, давай тоже поедem в эвакуацию!

– Да куда нам? Говорят надо уезжать с большими финансами, а где их взять?

– Но другие едут, у Кати соседи уезжают семьёй.

– У тех есть деньги, или нажитое добро.

– Не у всех так. Мне Маша, дочь Павла Карловича, рассказывала, что у них нет денег, но они эвакуируются.

– Ты ей не верь, враньё это! Павел Карлович, человек богатый, у него очки в золотой оправе. По этой причине и уезжает в дальние края. А мы нищие, что без гроша в кармане делать на чужбине? Нет, не будем эвакуироваться, Бог даст, всё обойдётся.

Длительное время дочь уговаривала мать уехать, но Наталья Кузьминична не согласилась.

18 июля началась подготовка к эвакуации заводов. Не только девятого, где работала Наталья Кузьминична, но и других. Стали готовить к эвакуации фабрики, учреждения.

Твёрдый голос Левитана из радиоприёмников уверял, что враг будет повержен, но регулярно сообщал об оставлении Красной Армией очередного города.

Скрывать то, что линия фронта приближается к Орлу, не имело смысла: орловцы узнавали об этом от беженцев, они прибывали в город нескончаемым потоком.

В середине августа создаётся Брянский фронт, с поставленной задачей не допустить немцев к Москве. С первых дней образования фронт непрерывно вёл тяжёлые бои с превосходящими силами противника.

1 сентября Зоя пошла в восьмой класс, а в Орле продажа хлеба, сахара и кондитерских изделий стала проводиться по карточкам. Указали две категории населения по снабжению этими видами продуктов.

На сентябрь 1941 г. определили норму отпуска хлеба: работникам I категории – 500—800 гр.; II категории – 400—600 гр.; иждивенцам и детям до 12 лет – 400 гр.

С первых чисел сентября изменился и тон местной газеты. Если в начале внезапного нападения главные полосы сообщали о войне. Шли агитки на тему: «фашизм не пройдёт», «остановим войну», «смерть врагу». Сообщалось, что в городе собирались митинги, где народ высказывался против военных действий.

Во многом чувствовалась уверенность, что война ожидается быстротечная, и мы стремительно прогоним неприятеля. Появились строки о мобилизации.

А с июля сообщения с фронта от Советского информбюро на первых полосах стали всё чаще, увеличились в объёмах и приобрели тревожные ноты.

Но никакой паники не ощущалось. Помимо военных статей, продолжали писать о колхозах: «женщины сели за тракторы», «уберём урожай досрочно», «урожай без потерь».

С 1 сентября большая часть газеты постоянно говорила о военных действиях. На страницах газет отсутствовали воинственные лозунги о скоротечной войне.

Давались сводки с фронта, памятки ПВО о действиях в случаях налёта, химических атаках. Пропагандировалась общая ненависть к фашизму, осуждение войны, сообщалось о том, что какие-то деревни удалось отвоевать Красной армии, о подвигах отдельных советских военных, о разрушенных населённых пунктах и зверствах врагов.

30 сентября 1941 г. части 2-й танковой группы Х.—В. Гудериана прорвали оборону Брянского фронта в районе Глухова—Шостки и начали стремительное продвижение к Москве. Враг планировал осуществить это через Орёл и Тулу.

Советские войска оказывали упорное сопротивление, но один из танковых корпусов армии Гудериана 1 октября занял Севск, что в 159 км от Кром Орловской области.

Кровопролитные бои продолжались, но танковые клинья врага стремительно приближались к области.

2 октября 1941 года в Тулу позвонил секретарь Орловского обкома ВКП (б) и сообщил, что противник уже в сорока километрах от города – занял посёлок Кромы.

Появление немцев на подступах к Орлу произошло столь неожиданно, что ответственные работники не успевали уничтожать и приводить в негодность важные объекты и оборудование.

Часть сооружений подвергли разрушению буквально перед самым появлением немцев

Больше всего Зое и многим горожанам запомнился взрыв элеватора с зерном. Сооружение с оглушительным грохотом взлетело со всеми башнями. До самой зимы многие орловчане за зерном ходили к сгоревшему элеватору.

Поджогу подверглись кирпичные заводы №1 и 8, а также завод №5. Уничтожить пришлось водонапорные башни, это привело к тому, что вода прекратила подаваться в водопровод и колонки.

Если уничтожить сами объекты властям удалось, то полный вывоз ценностей и инвентаря оказался непосильной задачей.

Оборудование заводов №1 и 8 (моторы, трансформаторы и кабельная продукция) предполагалось эвакуировать поездом в Елец, но состав вместе с оборудованием разбомбила немецкая авиация.

Та же участь постигла продукцию (2,5 тысячи комплектов нижнего белья) и материалы орловского промкомбината – погружённое в вагоны, всё это разбомбили немцы на станции Орёл.

Начиная от фабрик и заводов, до ворот железнодорожной станции, лежали прямо на улицах станки и ящики с оборудованием и сырьём.

С эвакуацией предприятий и сотрудников происходила полная неразбериха. Как потом рассказывал Зоин одноклассник, его отца с оборудованием, снятым с завода, направили в Елец.

Он спрашивал у начальства можно ли с собой забрать и семью, как это сделали руководители завода и области. Ему сказали, что надо сначала оборудование эвакуировать, а семью потом, если немцы в Орёл войдут.

Отец выполнил все указания и справился с заданием, а когда приехал, он надеялся забрать в Елец семью, но ему сказали, что поскольку завод демонтирован, то за его бывших сотрудников никто не отвечает и он, чтобы шёл куда подальше.

С приближением врагов к Орлу остро возник вопрос об эвакуации. Горожане стали искать способы выбраться из города, но любые попытки пресекались властями: никто не имел права покинуть рабочее место, за это продолжали привлекать к уголовной ответственности.

Как потом Зое рассказывала одноклассница Людмила:

– 2 октября мама пошла на работу в артель «Красный кожевник», сотрудники волновались, просили расчёт, чтобы уехать.

На что им начальство отвечало:

– Не создавайте панику, идите работать.

2 октября многие учреждения не функционировали, пришедших в школу на занятия Зою с другими учениками отпустили домой.

Банк заперли на замок, райкомы заколотили досками поперёк дверей.

Придя на железнодорожный вокзал, многие видели, что все билетные кассы позакрывались. На путях стояли составы без паровозов. Люди брали вагоны штурмом, с вещами пробираясь через окна.

На вопрос:

– Куда едет состав, и когда подадут паровоз?

Стоящий невдалеке железнодорожник отвечал:

– Идущие за городом пути взорвали, и уехать из Орла не получится.

Уже ночью на 3 октября начались мародёрства и грабежи, в городе фактически установилось безвластие. Здание областного управления НКВД, покинутое сотрудниками и начальством, охватил пожар, и никто его не тушил. Воздух насытился дымом. Вокруг летали хлопья жжёной бумаги.

Горожане разбивали витрины магазинов, выламывали двери и мешками выносили продовольственные и промышленные товары.

Толпа разграбила новый универмаг. Обезумев, все бросились к витрине, начали её разбивать и вытаскивать остатки стекла. Сзади напирали, давили первых, слышались стоны придавленных и порезанных толстыми осколками стекла.

А внутри зачиркали спичками и вскоре стали выносить тюки сукна, кипы одежды, обуви, затапывая упавших слабых.

Но не все поддавались панике. Как рассказывала Зое одна из подруг, её отец на орловском телеграфе работал до полудня 3 октября.

Сидел он с сотрудниками на работе и вдруг телеграмма из Кром – немцы в Кромах, едут в сторону Орла. Они кинулись звонить начальству – а никого уже нет.

Тогда сами решили что делать. Притащили из подвала кусок арматуры – разбили всё оборудование и побежали домой прятаться.

Когда выбегали из здания, по улице ехали первые немецкие мотоциклисты.

3 октября 4-я танковая дивизия, около шести часов вечера, захватила Орёл. Это дало немцам возможность получить добротную шоссейную дорогу и овладеть важным железнодорожным узлом и развязкой шоссейных дорог, эти коммуникации должны стать базой для их дальнейших действий. Гитлер считал Орёл важнейшим плацдармом и хотел его сделать центром оккупированной территории России.

Захват города произошёл для руководства Орла настолько неожиданно, что, когда германские танки вступили в Орёл, в городе ещё ходили трамваи.

Когда стало ясно, что немцы уже в городе, людей, прежде не веривших в возможность оккупации, охватила паника.

Горожане начали бросаться в бегство. Они бежали толпами в двух направлениях – на север, то есть на Москву, а также на восток, в сторону Ельца.

Из окон госпиталя на Комсомольской улице, раздетые и босые, выпрыгивали раненые красноармейцы и присоединялись к потоку беженцев.

Большая группа военнослужащих на костылях, с загипсованными бёдрами, ступнями, едва переступали с костылей на пятки, морщась от боли, двигались в общей толпе.

Кальсоны на них держатся на одной пуговичке, рубахи на костылях задирались.

Группа раненых несла руки на подпорках с согнутыми, выставленными вперёд локтями. Они шли друг от друга на расстоянии, чтоб подпорками не задеть друг друга.

Двое раненых с перебинтованными головами, глазами вели за руки такого же, перевязанного до самых глаз, товарища. Боец останавливался, дул на культю руки. Друзья ждали его, не уходили.

Двое раненых в шинелях поверх белья, обнявшись за плечи, удерживали красноармейца с вялыми перебинтованными ногами.

Медичка в белом халате и чепчике на себе тащила обнявшего её за плечи раненого бойца с одной ногой.

Мимо следовали доверху загруженные вещами грузовики с эвакуирующимися.

Никого из беженцев, включая раненых красноармейцев, они не принимали. На кузовах машин сидели женщины, дети. Стояло впрытк к кабинке пианино.

Скорей всего это семьи военных. На каждой машине сидел ещё и красноармеец с ружьём.

Многие беженцы просились на машины. Но и пассажиры, и военные сидели неподвижно, не реагировали на мольбы женщин с маленькими детьми и иные просьбы.

Медичка, что тащила раненого, стала громко кричать с обочины. Потом оставила его стоять на одной ноге, выбежала на дорогу, упёрлась руками в кабину грузовика, но шофёр почитай подмял её.

Желающих покинуть город набралось такое большое количество, что в движении люди образовывали сплошные потоки. Немцы всячески препятствовали бегству жителей: военная

техника перекрывала дороги, авиация на бреющем полёте атаковала с воздуха пулемётным огнём.

Расстрелянных людей вместе с машинами, находилось полно в кюветах. Автомобили, сверху изрешечённые пулями, валялись на обочинах.

Гитлеровцам удалось остановить толпу уходивших из города на дороге, что шла на Елец, люди стали возвращаться. Часть направилась к элеватору, чтобы набрать горелого зерна, а часть пошла к трамвайной остановке и сев в вагон поехали домой.

Помимо немецких частей, Орловщину оккупировал интернациональный сброд. Со стороны Брянска вместе с немцами двигались венгры. По Курской дороге шли румыны. В Красной Заре, вообще, видели словаков, хорватов и финнов. Все эти отморозки отличались звериной жестокостью. Сами немцы оказались терпимей к гражданскому населению на фоне этих нелюдей.

С приходом захватчиков, длительное время население не снабжали никаким продовольствием, не выдавали даже мизерного хлебного пайка. Горожане сотнями умирали от голода.

Органом управления оккупационной власти стала городская управа (Орловское городское самоуправление). Возглавил управу бургомистр, он подчинялся гарнизонному коменданту Орла.

Военным комендантом стал генерал Адольф Хаманн, бывший фельдфебель, он сделал головокружительную карьеру при Гитлере.

Первым бургомистром немцы назначили военного фельдшера Алексея Афанасьевича Шалимова. Бывших советских офицеров-врачей окружного госпиталя он назначил на все возможные посты.

Ещё бургомистр открыл кукольный театр, музей, возобновил службы в храмах. Ввёл пайки для пенсионеров и разрешил мелкий частный бизнес.

В марте 1942 года его арестовало гестапо за связь с партизанами. Под пытками никого не выдал, умер достойно.

В первые дни оккупации гитлеровцы установили в центре города виселицу.

Первым они казнили старика, человек выступал против грабежей. Рядом с ним повесили тех граждан, кто отказался участвовать в сборе тёплых вещей для фашистов.

На многих улицах Орла лежали неубранные трупы невинно замученных и казнённых людей.

5 декабря открылась биржа труда. По решению оккупационных властей все жители города и окрестных населённых пунктов, мужчины и женщины, от полных 14 до 55 лет, не имевшие постоянной службы или работы, в обязательном порядке должны были явиться для регистрации на новую биржу труда. На лиц еврейского происхождения это объявление не распространялось.

Многие горожане стали работать на немцев потому, что иначе бы умерли от голода, особенно это касалось женщин с малолетними детьми.

Оккупационные власти, решили заручиться поддержкой церкви, открыли в Орле определённое число храмов. В этом заключался один из элементов их антикоммунистической политики. Но как раз церкви неофициально создали «кружки взаимной помощи», чтобы помогать самым бедным и оказывать посильную поддержку узникам концлагерей. Священникам разре-

шали посещать русских военнопленных. Их морили голодом. В лагерях за один день умирало 20, 30, а случалось и 40 человек.

Однако после Сталинграда немцы стали кормить пленных капельку лучше, а затем начали уговаривать вступать в «русскую освободительную армию».

При немцах церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания.

Однако человек, по поручению немецкого командования надзиравший за церквями, оказался не епископом, как многие ожидали, а просто гражданским чиновником по фамилии Константинов, из русских белоэмигрантов.

Это привело к тому, что церкви лишили всякой самостоятельности, да и резиновые печати каждой из них хранились в столе у Константинова.

## Глава пятая

Словно противясь вражеской агрессии, сама природа встала на защиту местного населения. В середине ноября ударили сильные морозы, выпало большое количество снега.

К концу ноября 1941 года немецкие войска заняли село Дорохо-Доренское в сорока шести километрах к юго-востоку от Курска. Враг не встретил сильного сопротивления со стороны Красной Армии, продвинулся вглубь территории.

Оккупанты в первые часы начали наводить новые порядки. После захвата села, они стали собирать всех жителей, как пронёсся упорный слух: «к расстрелу».

Видя это, Василий Михайлович Дорохов, ему исполнилось 57 лет с сыном Александром 12 лет, огородами покинули село и отправились в хутор Баранов, он расположился в километре от села. К ним присоединилась ещё группа мужчин с сыновьями подростками.

Пробыв в хуторе два дня, Василий Михайлович решил, что в этом населённом пункте тоже небезопасно. Отец с сыном перешёл в хутор Ивица, расположенного на другом конце поля недалеко от родного села, но потом вернулись в Баранов и стали жить в избе знакомых.

В это время в Дорохо-Доренском, всех, кто не успел сбежать, собрали в одном месте.

После этого женщин и детей до шестнадцати лет отпустили, а мужчин, юношей и стариков, кого по возрасту не призывали на фронт, задержали.

Выдался лютый морозный день.

Арестованных под конвоем отвели в соседнее село Халино Максимовского сельсовета Солнцевского района. Где их загнали в сарай и оставили ночевать.

Утром немцы всех арестованных вывели на край села и расстреляли. Так трупы лежали до весны, и когда стало тепло, то тогда фашисты разрешили местным жителям похоронить убитых в братской могиле.

В соседнем колхозе председатель всеми фибрами преданной души поддерживал Советскую власть и идеи коммунизма. Он числился старым большевиком, знал В. И. Ленина и И. В. Сталина, делегировался на съезды.

В 1939 году колхозники мало собрали сена и соломы для скотины. В середине зимы стали животныедохнуть от бескормицы.

Председатель колхоза взял всё зерно, что заготовил для собственной семьи, а в ней насчитывалось детей тринадцать душ, и отнёс на скотный двор. Принялся им кормить скотину. Своя семья стала голодать. В тот год его восемь детей умерло от недоедания.

Председателя жена безграмотная, но набожная, она ругала мужа:

– Дурак, кто так делает? Кормить зерном животных! В Писании говорится, что скотина создана Богом для помощи человеку! Раз онадохнет, так пущай будет посему!

– Что ты понимаешь жена! – урезонивал председатель, – Ведь это общественное стадо, люди личную скотину привели в колхоз, чтобы всем стало хорошо!

В 1941 году этого председателя оставили в районе, чтоб при оккупации наладить партизанскую войну.

Нашёлся предатель. Он выдал председателя и того немцы повесили на яблоне, недалеко от дома. Месяц висел в назидании другим.

Хотели фашисты повесить и всю семью, но люди попрятали остальных членов семейства по избам.

Брата председателя немцы решили живьём сжечь в собственном доме, для чего подпёрли оглоблей входную дверь и подпалили избу.

Брат вышиб дверь с оглоблей, когда запылал дом и попытался выскочить, но снаружи стояли немцы и расстреляли из автоматов.

В декабре продлились мощные морозы и частые снегопады, сугробы достигали кровли сараев и изб. Дороги не находились в зоне видимости.

Немецкие войска с трудностями пробивались по заснеженным тропам, многие подверглись обморожению. Не выдерживала и фашистская техника. Машины стояли на дорогах. Для расчистки путей сообщения немцы мобилизовали местных жителей и подростков.

В один из дней, Александр Дорохов вместе с братьями Доренскими, Николаем и Алексеем, были насильно выгнаны на расчистку дороги. Им дали лопаты и юноши принялись убирать снег под присмотром охраняющих гитлеровцев.

Один из немцев приблизился к Александру и, с головы сняв шапку-ушанку, надел на свою. Юноше пришлось повязать на голову материнский платок, но это плохо спасало от холода.

С этого времени он стал реже выходить на хуторскую улицу, а если и появлялся, то покрывался материнским пуховым платком.

Хозяйка избы отыскала в закромах сундука старую красноармейскую будёновку и отдала Александру:

– На, носи во дворе, но на улицу в ней не выходи, чтоб немец не увидел.

Так Александр и сделал, всю зиму проносил будёновку во дворе.

В декабре 1941 года Красная Армия разгромила немцев под Москвой, и началось контрнаступление на большинстве фронтов.

В конце декабря того же года правое крыло Юго-Западного фронта советских войск начало Курско-Обоянскую наступательную операцию. Планировалось силами 40-й армии на Курском направлении и 21-й армией – на Обоянском направлении, овладеть городами Курск и Обоянь соответственно.

С началом этой операции, немцы всех оставшихся жителей села Дорохо-Доренского выгнали из домов на хутор Баранов.

Там находилось малое количество жилых построек и вновь прибывшим пришлось селиться по сорок человек в одной избе на земляном полу.

Прасковья Павловна Дорохова поселилась на хуторе вместе с мужем и сыном. В этой избе находилась также куча народу, но недаром говорится: «В тесноте, да не в обиде».

20 декабря 40-я армия перешла в наступление, времени не получив на подготовку операции, без пополнения и усиления войск. Армия имела первоначальную задачу выйти на рубеж реки Тим, а затем наступать на Курск.

Продвинувшись с тяжёлыми боями на 10—12 километров, 25 декабря армия штурмом освободила мощно укреплённый посёлок Тим.

В последующие дни наступление развивалось неспешно, происходило постепенное выдавливание противника и медленное уничтожение обороны врага.

Атаки велись по глубокому снегу, без достаточной разведки. Преобладали повторяющиеся лобовые атаки на одних и тех же рубежах, без соответствующей артиллерийской поддержки.

Действия авиации в условиях преобладающей облачной погоды и снегопадов проходили эпизодическими и не приносили пользы.

Определив направления ударов советских воинских частей, гитлеровское командование оперативно подтянуло на угрожаемые участки фронта свежее подкрепление. Немцы вели упорную оборону населённых пунктов, даже оказавшихся в окружении, чем вынуждали советские войска растрачивать силы в многократных наступлениях, а когда атакующие части несли большие потери, наносили сильные ответные удары, чем воздействовали на фланги и тылы.

Части 40-й армии к 6 января 1942 года с большим трудом вышли на рубеж реки Сейм, преодолели её по льду и к 8 января вышли в район 28—30 километров южнее и юго-восточнее Курска. Но сил для решающего удара по городу у армии уже не осталось.

С 10 января немецкие части также начали сильные контратаки, советское наступление остановилось. Пятнадцатого и восемнадцатого января армия вновь пыталась прорвать оборону врага, но достигла малозначительного продвижения.

Ожесточённо упорные бои шли в районе Выползово.

Пятнадцатого января село заняли бойцы советских войск, но 23 января отбили враги. 24 января вновь освободили наши.

Бои за Выползово и Калинов хутор хорошо слышны в Баранове, хутор расположился всего в четырёх километрах от линии боевых действий.

Александр и братья Доренские бегали на взгорок следить за ходом кровопролитных сражений. На линии фронта шли ожесточённые бои. Всё горело.

Многие гитлеровцы отыскивали смерть на захваченной земле.

Во время ожесточённых боёв на них вышли разведчики 293 стрелковой дивизии.

– Вы что на этом месте делаете? – грозно спросил старший группы.

– Наблюдаем за ходом боя, – доложил один из братьев Доренских.

– Откуда вы?

– С хутора Баранов.

– Там немцы есть?

– Нет.

– Вам по пятнадцать лет исполнилось?

– Так точно!

– Согласно решениям Правительства СССР мы создаём из вас отряд помощи Красной Армии.

– Ура!

– Первое ваше задание: выяснить, какие силы немцев сосредоточились в этих населённых пунктах.

Старший группы достал карту и указал пацанам интересующие хутора и деревни.

Ребята отправились выполнять задание. Вскоре они прошли по указанным населённым пунктам и выяснили о нахождении немцев, после чего вернулись к разведчикам. Они сообщили всё, что узнали.

– Благодарю за службу! – проговорил старший группы, – а сейчас идите домой, и ждите дальнейших указаний.

Ребята вернулись на хутор, но сколько ни ждали, разведчики к ним не пришли.

Друзья приходили и на место встречи с красноармейцами, но и на взгорке никого не встретили.

Бои за село Выползово и Калинов хутор продолжались с большим ожесточением.

Воины Красной Армии сражались героически, но им не удалось продвинуться вглубь захваченной врагом территории и освободить село Дорохо-Доренское и хутор Баранов.

Вскоре наступление провалилось.

Наступила весна, но оккупация продолжалась. Продуктов у большинства людей не осталось, начался голод. Многие стали болеть и умирать.

Сельчане ходили по соседним деревням. В населённых пунктах, где не располагались гитлеровцы, жители делились продуктами и семенами. Это позволило засеять огороды в весенний период.

Летом стало уже легче прожить. Появились пригодные к пище растения, ягоды, грибы. В то лето массово расплодились виноградные улитки. Часть селян стало употреблять их в пищу.

Как потом рассказывали, одной из первых начала использовать в еду виноградных улиток Евдокия Яшина из села Бунина, что в 12 километрах от Дорохо-Доренского.

В один из летних дней 1942 года она в лесу набрала целую корзинку этих улиток. Придя домой, сварила их и вначале сама попробовала съесть. Оказалось, что съедобны.

Тогда Евдокия стала кормить ими детей.

Так, регулярно она приходила в лес, собирала в лукошко улиток. Прикрывала всё травой, приносила в село. Дома она варила, кормила детей. От такой пищи они росли здоровыми и хорошо выглядели.

Александр Дорохов с хуторскими друзьями тоже ходил в лес за ягодами и грибами, но улиток не собирал.

В один из дней шёл он с Николаем Доренским лесной дорожкой, а навстречу попался фриц с автоматом. Немец направил на юношей оружие. Николай испугался и поднял руки, а Александр не стал.

Гитлеровец потыкал в сторону мальчишек автоматом, и проговорил:

– Пуф, пуф.

После этого он расхохотался и пошёл своей дорогой, а юноши – своей.

– Ты чего поднимал руки, – стал подтрунивать Александр, – фрица испугался?

– А ты как думал, – ответил Николай, – он сдуру и стрельнуть мог.

– Это точно, – согласился Александр.

Бродя по окрестностям Александр с товарищем, зашли на железнодорожную станцию Гридасово, что располагалась в полутора километрах от хутора Баранов.

Они удивились, когда увидели, как немцы грузят в товарные вагоны землю с сельских полей, а в другие – стебли кустарника, он рос в изобилии вдоль железнодорожного полотна и в смешанных лесах.

Понаблюдав две минуты за странным зрелищем, юноши направились в обратный путь.

Возвращаясь, они встретили односельчанина и поделились увиденным.

– Ничего удивительного, – сообщил им мужчина, – немцы грузили не просто землю с полей, а первый в мире по плодородию чернозём.

Со слов односельчанина оказалось, что в Париже есть Международное бюро мер и весов, где хранится кубический метр Курского чернозёма, как эталон плодородия земли.

Как впоследствии узнал Александр, немцы действительно вывозили почву из оккупированной Курской области и покрывали 10 или 20-сантиметровым слоем поля Германии в большой надежде на увеличение урожая.

Но даже Курская земля «не хотела помогать» врагу, чернозём быстро деградировал и через один год утрачивал первоначальные свойства и на полях образовывался водонепроницаемый глиняный панцирь. Оказалось, что чернозём может плодотворно находиться обязательно в определённых климатических условиях.

Чужая земля никому не впрок и в прямом, и в переносном смысле.

– Ладно, чернозём, – не успокоились друзья, и продолжили разговор с односельчанином, – но зачем фрицы ветки кустарника собирают?

– Это бересклет, – отвечал односельчанин, – кора и древесина которого богаты гуттаперчей, похожей на натуральный каучук. Немец хочет получить эту гуттаперчу для изготовления резины и других материалов.

## Глава шестая

Проводив сыновей на фронт, Ефим Семёнович с головой окунулся в работу Межрайонной Аптечной Конторы.

Предстояло наладить снабжение медикаментами, перевязочным материалом и другими медицинскими изделиями как городские аптеки, так формирующиеся госпитали в черте Старого Оскола. Многих фармацевтов и провизоров призвали в армию, что уменьшило штат аптечных учреждений, а это увеличивало нагрузку на оставшихся работников.

В аптеке, где работала жена Ефима Семёновича тоже многие ушли в действующую армию. С Ниной Ягоровной в смене остался один фармацевт, Полина Кузьминична Коровина.

Это была молодая женщина двадцати семи лет, невысокого роста, худенькая, с правильными чертами лица. Она воспитывала сына восьми лет. Муж Полины Кузьминичны погиб в первые дни войны, и мальчик воспитывался без отца.

Сына звали Володей, он рос вспыльчивым, нервным ребёнком, мальчику явно не хватало мужского воспитания и материнского тепла.

Нина Ягоровна жалела мальчика, и когда ребёнок приходил с матерью на работу, то она угощала Володю, то конфетой, то пряником.

Уже в июле над Старым Осколом стали появляться немецкие самолёты. В городе устанавливался единый сигнал для оповещения воздушной тревоги.

Вскоре начали приходить первый беженцы.

Сводки с фронта приходили тревожными. Красной Армии никак не удавалось остановить стремительный натиск захватчиков. Враг приближался к границам области.

В октябре началась эвакуация населения, ценного государственного и общественного имущества. Частично демонтировали станки механического завода, перевезли вглубь страны сложное, дорогостоящее оборудование «КМАстроа». Провели эвакуацию учебных заведений, детского дома.

Для отправки людей и техники вагоны брались после освобождения разгрузившихся воинских эшелонов, но чаще приходилось их специально оборудовать. Устраивали деревянные нары, вставляли оконные рамы, в центре устанавливали железную печку. Для отопления вагона использовали всё, что попадалось под руки – доски, уголь, ветошь в масле, шпалы.

Через город и район прошли тысячи беженцев, им предоставляли отдых, питание. На запад шли эшелоны с войсками, техникой и боеприпасами.

После тяжёлых боёв 24 октября воинские формирования Красной Армии оставили Белгород.

Многие областные организации Курска эвакуировались в Старый Оскол. В городе располагался штаб 40-й армии, политотделы 21-й армии, Курский обком партии.

В конце октября редакция газеты «Курская правда» со всем составом переместилась в Старый Оскол, перевели из областного центра и Аптекоуправление.

– Город сдадут немцам? – поинтересовался Ефим Семёнович при первой встрече с управляющим Курским Аптекоуправлением, когда его эвакуировали в Старый Оскол.

– Этого нельзя не учитывать. После взятия Орла, немец с севера активно наступает на Курск, враг бросил испытанные части. Но нам нельзя паниковать. Надо выполнять прямые обязанности, на благо народу и государству. Как дела?

– Продолжаем работу по снабжению медикаментами, и другими материалами госпитали и больницы для успешного лечения раненых и больных. Стараемся обеспечивать санитарно-эпидемиологическое благополучие, но имеется большая нехватка медикаментов, сложно обстоит дело с перевязочным материалом.

– Да, я знаю. Многие предприятия медицинской промышленности подверглись разрушению, или на пути в эвакуацию. Надо лучше использовать местные сырьевые ресурсы, расширять производство медикаментов на местах. Настало время, чтоб непосредственно уделять внимание лекарственным травам, тем, что используются в народной медицине, но не применяются нашей научной. Как активные антисептики для лечения гнойных ран и язв учёные рекомендуют использовать фитонциды лука и чеснока. Сейчас для этих целей предложили применять препараты календулы, бальзам из пихты, зверобойное масло.

– Полностью с вами согласен. К нам стал поступать сфагнум как перевязочный материал. Он обладает требуемой гигроскопичностью и способностью впитывать в себя гной, кровь и прочие жидкости. В мирное время врачи не обращали на него никакого внимания, хотя в медицине применение этого мха началось ещё с XI века.

– Конечно, недаром говорится, что всё новое – это хорошо забытое старое.

После захвата Курска немецко-фашистскими войсками Красной Армии ценой больших потерь удалось остановить врага на рубеже Северского Донца, стабилизация фронта возникла на недолгое время.

Старый Оскол стал прифронтовым городом.

Начиная с июля, в городе и вокруг него, велись оборонительные работы.

Комендант Старооскольского гарнизона издал приказ №1, где сообщалось, что с введением военного положения, устанавливалось привлечение граждан к строительству оборонительных объектов и их охраны. Руководство указало на создание, обучение отрядов обороны, подготовки бомбоубежищ и пунктов для размещения воинских частей.

Ввели комендантский час, обеспечивалась охрана объектов водоснабжения, делался ежедневный анализ воды.

Вскоре город превратили в мощный узел обороны.

В середине декабря Ефима Семёновича срочно вызвали к управляющему Курским Аптекоуправлением.

– Меня направляют на фронт, – сообщил руководитель, когда Ливанов переступил порог кабинета.

– А кто будет вместо вас?

– Я полагаю, что замещать управляющего сможешь ты. Возражений нет?

– У меня среднее образование, знаний может не хватить.

– Сейчас война, а у тебя большой опыт руководящей работы, справишься. Я сообщил в Москву о предполагаемой кандидатуре.

Не прошло и двух недель, как из Москвы получили распоряжение Ливанову Е. С. замещать управляющего Курского Аптекоуправления.

Приняв дела, Ефим Семёнович добросовестно приступил к выполнению возложенных обязанностей.

Новый 1942 год супруги Ливановы встретили за скромным семейным столом.

Подняли рюмки домашнего грузинского вина, ещё в прошлом году, приготовленного тестем, за скорую победу над врагом и пожеланием, чтоб сыновья остались живы и благополучно вернулись домой с победой.

Остаток зимы и первый весенний месяц прошли без происшествий в жизни супругов.

На фронте шли активные боевые действия. В январе 1942 войска Юго-Западного фронта провели успешное наступление в районе Изюма, благодаря чему создали плацдарм на западном берегу реки Северский Донец в районе Барвенково, открылась возможность дальнейшего наступления на Харьков и Днепропетровск. Но с началом весенней распутицы наступление пришлось прекратить.

Супруги Ливановы продолжали работать каждый на своём рабочем месте. В апреле Ефиму Семёновичу присвоили звание интенданта 3-го ранга, и его причислили к среднему начальствующему составу.

Нина Ягоровна, работала в аптеке, и дома продолжала поддерживать безукоризненную чистоту и образцовый порядок, старательно заботилась о муже.

Война продолжалась, она несла беды и печаль. Многие жители тыловых и прифронтовых городов и населённых пунктов с тревогой встречали простого почтальона.

Он приносил в дом солдатский треугольник письма с сообщением, что их близкий человек жив, но и вручал казённый конверт похоронки.

В первых числах мая в квартиру супругов Ливановых постучалась беда.

Почтальон принёс конверт с извещением управления 80 отдельной Стрелковой бригады отправленное 11 апреля 1942 года.

В официальной бумаге скупым бюрократическим языком сообщалось: «Красноармеец Ливанов Карл Ефимович, уроженец Курской области г. Старый Оскол. В бою за Социалистическую Родину верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, получил ранение и умер от ран 26 февраля 1942 года. Похоронен ст. Лоухи Кировской ж. д., шоссе Лоухи-Кестеньга 27 км, левая сторона».

– Я это чувствовала, – тихо проговорила Нина Ягоровна.

Она прошла в комнату, приблизилась к портрету младшего сына и встала перед ним на колени. Из глаз медленно заструились слёзы.

Что может быть страшнее для материнского сердца известия о гибели собственного ребёнка?

Ты его девять месяцев носила под сердцем, а потом в муках произвела на свет. Его беззубый ротик жадно вгрызался в сосок груди, упорно добывал себе пропитание.

Это доставляло радость и боль одновременно. Ты ночами не отходила от кроватки младенца: то животик болел, то зубки резались, то его просквозило, и ребёнок простыл.

Но прошло время, и он стал делать первые шаги, а материнское сердце переполнялось любовью и радостью. Текли дни и годы. Он креп, возмужал и к восемнадцатилетию превратился в красивого сильного юношу, способного дать матери опору и утешение в старости.

Но враг напал на страну и сын, как настоящий мужчина, пошёл защищать Родину и тебя от неприятеля, чтоб тот не надругался над вами. И сейчас его больше нет в живых...

– Зачем Карлушу убили! – вырвался глухой стон из истерзанной несчастьем груди Нины Ягоровны, – уж лучше б Вилена...

Но потом, осознала, что сказала, стала искренне молиться христианскому богу, всем древним богам Грузии, царице Тамаре и Богородице, всем вышним силам небесным, чтоб убергли они старшего сына от смерти, помогли ему живым вернуться домой с этой жестокой войны.

Ефим Семёнович попытался утешить жену, но и у него тяжёлый камень лежал на сердце, и боль скорби до краёв заполнила душу.

В эту ночь супруги Ливановы не сомкнули глаз. А ранним утром они пошли на работу и старались обеспечить госпиталя всем необходимым, чтоб раненные сыны других матерей оставались живыми.

12 мая Красная Армия начала наступление одновременным ударом по немецким войскам на севере с рубежа Белгород – Волчанск, а на юге – с северной части выступа линии фронта, что проходил в районе Лозовенька и Балаклея.

Вначале успех сопутствовал Красной Армии. К 17 мая ей удалось потеснить части 6-й армии немцев и вплотную подойти к Харькову. Но успех продолжался короткое время.

17 мая 1-я танковая армия вермахта Клейста нанесла удар в тыл наступающим войскам Красной Армии. Частям Клейста в первый день наступления удалось прорвать оборону 9-й армии Южного фронта, и к 23 мая отрезать советским воинским подразделениям пути отхода на восток.

Это привело к тому, что большая часть войск ударной группировки Красной Армии оказалась окружённой в треугольнике Мерефа-Лозовая-Балаклея.

Из-за катастрофы под Харьковом стало возможным стремительное продвижение немцев на южном участке фронта на Воронеж и Ростов-на-Дону с последующим выходом к Волге и продвижением на Кавказ.

Оборона советских войск в полосе Южного и Юго-Западного фронтов оказалась значительно ослабленной. Возникла угроза оккупации Старого Оскола.

В начале июня пришло распоряжение об эвакуации Аптекоуправления и других учреждений. Ефим Семёнович направлялся в Пермь, эвакогоспиталь №998. На сборы дали сутки.

Супруги Ливановы собрали необходимые личные вещи, и в назначенное время были на вокзале. На перроне скопилась куча народа. Вскоре подали состав. Все распределились по местам, согласно имевшимся спискам. В вагоне набилось человек сто, вместо положенных тридцати девяти, но никто не роптал перед лицом надвигавшейся опасности.

Прошло около часа, и состав отправился в дорогу. По однопутному пути двигались медленно. На разъездах пропускали встречные воинские эшелоны и обгонявшие санитарные поезда.

В Воронеже при вокзале работал эвакуационный пункт. Он принимал и отправлял эшелоны с людьми, организовывал питание и медицинское обслуживание прибывших.

По прибытии в Воронеж, старший вагона в котором ехали супруги Ливановы, получил хлеб и ряд других продуктов. Люди воспользовались стоянкой, набирали кипятка.

Так с остановками эшелон добрался до Пензы. На вокзале супруги Ливановы выяснили, где расположился 998 госпиталь, и отправились на улицу Бакунина искать 62-й дом.

Нужное здание находилось недалеко, всего в нескольких кварталах, на углу пересечений улиц Бакунина и Володарского.

Это оказался добротный двухэтажный каменный дом дореволюционной постройки. До войны в нём располагалась школа №7, а сейчас эвакогоспиталь №998.

Ефим Семёнович зашёл в кабинет начальника госпиталя, военврача первого ранга Мартышкина, доложил о прибытии, и отдал сопроводительные бумаги.

– Хорошо, – проговорил Мартышкин, и стал знакомиться с документами, – мы вас можем назначить помощником заведующего аптекой при госпитале, а жену устроим работать ассистентом в госпитальной аптеке. Жить будете в этом здании, я дам распоряжение.

Расположившись в указанной комнате, Ефим Семёнович приступил к выполнению служебных обязанностей на следующий день.

Работать пришлось с утра до позднего вечера. Готовых медикаментов катастрофически не хватало, и все лекарственные формы приходилось производить самим.

Большое количество делалось внутриаптечных заготовок для нужд госпиталя.

Много заготавливалось растворов сулемы для дезинфекции хирургического инструмента. С дихлористой ртутью приходилось работать с огромной осторожностью, попадание в организм человека всего 0,2 грамма этого вещества приводило к смертельному исходу.

Для дезинфекции медицинские сёстры замачивали хирургический инструмент в растворе сулемы, а затем промывали в 95, 70 и 40% растворах спирта, что позволяло достичь требуемый обеззараживающий эффект. Это значительно сокращало риск занесения инфекции во время операций.

Потом военные историки выяснят, что благодаря такой дезинфекции, процент возвращения в строй раненых красноармейцев оказался наибольшим, среди воюющих стран во время Второй мировой войны.

В один из дней Ефим Семёнович разговорился с хирургом, что на той неделе прибыл в госпиталь.

– Ефим Семёнович, – поинтересовался врач, – вам Карл Ефимович Ливанов не будет родственником?

– Да, это сын.

– В конце февраля я его оперировал в полевом госпитале около станции Лоухи.

– Нам пришла похоронка, но не указали, отчего парень умер.

– 17 февраля Карл Ефимович получил осколочное проникающее ранение живота. Я его прооперировал удачно, но начался перитонит. Мы не смогли его спасти. Смерть наступила от перитонита и газовой флегмоны.

## Глава седьмая

С октября по конец декабря 1941 года Вилен Ливанов находился в глубоком тылу советских войск на переформировании 55 стрелковой дивизии.

27 декабря 1941 года по приказу ставки Верховного главнокомандующего 55-ю дивизию расформировали.

Тогда ходили упорные слухи, что из Киевского котла, где это воинское формирование немцы полностью разгромили, не удалось вынести знамя дивизии. А поскольку знамя утратили, то и воинская часть подлежит к расформированию.

В начале декабря командир роты связи отправил Вилена с поручением в штаб полка.

Выполнив возложенное задание, Вилен собрался возвращаться в роту, как к нему подошёл незнакомый майор и поинтересовался:

- Товарищ красноармеец, вы не грузин?
- Никак нет, товарищ майор, я русский.
- Но вы похожи на грузина.
- Хоть отец русский, но мама грузинка из села Ианети Самтредского района. Я похож на неё.
- Вы в полку с какого времени служите?
- С шестого июля этого года.
- В каком подразделении полка воевали?
- В роте связи.
- Как фамилия?
- Красноармеец Ливанов.
- Хорошо боец, мне поручили создать новый 111 стрелковый полк будущей 55 дивизии второго формирования, если не возражаете, возьму вас к себе.
- Благодарю, товарищ майор.

Майор, а это был Челидзе Ш. В. командир 111 стрелкового полка 55 стрелковой дивизии второго формирования, не обманул.

В середине декабря 1941 года Вилена направили в Приволжский военный округ, где формировались полки этого воинского подразделения и, в частности 111 стрелковый полк.

Вилена опять зачислили в роту связи 111 полка, но уже второго образования, авиасигнальщиком.

Одной из поставленных перед ним задач заключалось в постоянном ведении наблюдения за воздухом. При обнаружении советских самолётов немедленно подавать установленные сигналы. Для этих целей ему и другим авиасигнальщикам вручили сигнальный пистолет, а также набор сигнальных и осветительных ракет. Выдавались и различные другие предметы для сигнализации самолётам о расположении войск Красной Армии, чтоб они случайно не разбомбили своих.

В феврале красноармейцы роты, где служил Вилен, заметили, что у них стали кровотоить дёсны и шататься зубы.

– Это первые признаки цинги, нехватка витамина С, – сообщил фельдшер, когда к нему обратились красноармейцы.

Срочно командование дало распоряжение оттапливать сосновую хвою и всем военным служащим пить этот отвар.

Отвар оказался горьким, неприятного вкуса, но командирам и красноармейцам пришлось безропотно это пить, чтоб не выпали зубы, и не развилась цинга.

До конца марта 1942 года части дивизии осуществляли боевое сколачивание, принимали личный состав и технику. Проводилась учёба.

С первого апреля 55-я стрелковая дивизия закончила формирование и перешла в резерв ставки Верховного Главнокомандующего.

К концу апреля эта воинская часть прибывает на Северо-Западный фронт в район города Клин, где входит в состав 11-й армии.

С 20 апреля дивизия, вышла из окрестностей деревни Вины Крестецкого района по 30 апреля, совершала марш суммарной протяжённостью около 160 километров до деревни Ярцево Половского района Ленинградской области. Для скрытного продвижения, двигалась дивизия только ночью, или в пасмурную погоду, пряталась в лесах и рощах.

Первого мая личный состав дивизии приводил себя в порядок, подготавливал всё к бою.

Дивизии предстояло наступать совместно с другими соединениями армии с севера на юг. Стояла задача отбросить противника, вновь перерезать дорогу Демянск – Старая Русса, соединиться с 1-й Ударной армией и тем самым окончательно сомкнуть кольцо вокруг 16-й немецкой армии.

Командиры знакомились с местом предстоящих боёв. Перед ними открывалась лесисто-болотистая сторона с большим количеством ручейков, речушек и озёрков. В каждом населённом пункте противник создал хорошо вооружённую круговую оборону, до предельности насытив рубежи пулемётами, пушками, миномётами. На возможных направлениях наступления советских войск немцы воздвигнули системы Дзотов и Дотов, между собой соединённых траншеями и подземными ходами.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.